

ПОНЯТИЯ «РУСОФОБИЯ» И «РУСОМАНИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТИ (1842–1900)

Душенко Константин Васильевич

Институт научной информации по общественным наукам

Российской Академии наук,

Москва, Россия

kdushenko@nl.n.ru

Аннотация. В существующей литературе понятие «руссофобия», как правило, используется в неотрефлексированном виде, для обозначения крайне разнородных явлений. В статье на материале обширного корпуса англоязычной печати XIX в. исследуется содержание понятий «руссофобия», «руссофоб» и т.д. в Англии и США. О «руссофобии» (в значении «необоснованный страх перед русской угрозой») чаще всего говорили радикалы в контексте осуждения милитаризма и колониальной политики. В консервативной печати осуждение «руссофобии» как фантомного страха могло сочетаться с признанием реальности русской угрозы. Во время Восточного кризиса 1876–1878 гг. и позже «руссофобами» именовались по преимуществу тори, а в качестве критиков «руссофобии» выступала наиболее влиятельная часть либералов во главе с У. Гладстоном. Особую группу среди причислявшихся к «руссофобам» составляли идейные либералы и демократы, сочувствовавшие национально-освободительным движениям в Европе, прежде всего польскому, итальянскому и венгерскому. После 1878 г. накал полемики вокруг «руссофобии» снова спадает, а сама полемика, как и перед Восточным кризисом, касается главным образом русской политики в Азии. В американской печати о «руссофобии» говорилось сравнительно редко, и почти всегда по поводу английской политики. Слово «руссофобия» в британской печати использовалось либо как синоним политической «руссофобии», либо, напротив, политической «руссофилии». В Америке конца XIX в. оно получило новое значение: увлечение русской культурой.

Ключевые слова: политический язык, национальные фобии, русско-английские отношения.

Цитирование: Душенко К.В. Понятия «руссофобия» и «руссофобия» в англоязычной печати (1842–1900) // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 151–166. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-151-166 / Dushenko K.V. The Concepts “Russophobia” and “Rusomania” in the English-Language Press (1842–1900), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 151–166. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-151-166.

© Душенко К.В., 2022

THE CONCEPTS “RUSSOPHOBIA” AND “RUSOMANIA” IN THE ENGLISH-LANGUAGE PRESS (1842–1900)

Dushenko Konstantin V.

Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
kdushenko@nl.n.ru

Abstract. In the existing literature, the concept of “Russophobia”, as a rule, is used in an unreflected form, to denote extremely heterogeneous phenomena. The article on the material of the extensive corpus of the English-language press of the 19th century examines the content of the concepts “Russophobia”, “Russophobe”, etc. in England and the USA. In England of the 19th century, “Russophobia” (meaning “unfounded fear of the Russian threat”) was most often spoken about by radicals in the context of condemning militarism and colonial policy. In the conservative press, condemnation of “Russophobia” as a phantom fear could be combined with an acknowledgment of the reality of the Russian threat. During the Eastern crisis of 1876–1878 and later the Tories were predominantly called “Russophobes”, and the most influential part of the liberals, led by W. Gladstone, acted as critics of “Russophobia”. A special group among those who were classified as “Russophobes” were ideological liberals and democrats who sympathized with the national liberation movements in Europe, primarily the Polish, Italian and Hungarian ones. After 1878, the intensity of the controversy around “Russophobia” subsided again, and the controversy itself, as before the Eastern crisis, concerns mainly Russian politics in Asia. In the American press about “Russophobia” spoke relatively rarely and almost always in connection with English politics. In the British press, the word “Rusomania” was used either as a synonym for political “Russophobia” or, on the contrary, political “Russophilia”. In America at the end of the 19th century it acquired a new meaning: passion for Russian culture.

Keywords: Political language, national phobias, Russian-English relations.

В современном Оксфордском словаре английского языка «русophobia» (Russophobia) определяется как «сильная неприязнь или враждебность (strong aversion or hostility) к России (или бывшему Советскому Союзу), ее народу, культуре и т. д.»; «русophobic» (Russophobe) – «тот, кто испытывает сильную неприязнь или враждебность к России, ее народу, культуре и т. д.»

Однако в раннем словарном определении (1883) вместо «неприязни» на первом месте стоит «страх», политические коннотации преобладают над национальными (этническими), а «враждебность к культуре» отсутствует. «Русophobia» – «страх перед Россией или ее политикой, сильная антипатия (a strong feeling against) к России или же к русским». Соответственно, «русophobic» (Russophobicist) – «тот, кто боится русских или их политики и кто испытывает сильную антипатию к России, ее народу или ее политике» (курсив наш. – К.Д.) [Ogilvie, 1883, p. 748].

В популярном английском пособии по древнегреческому языку конца XIX в. читаем: «φóβος – страх; отсюда гидрофобия¹, русophobia и т.д.» [Rushbrooke, 1892, p. 233]. Тогда же английский филолог-классик Т.Д. Гуделл замечает: «У многих <...> от их [школьного] греческого языка осталось лишь <...> ясное понимание значения таких слов, как метафизика, агностик, синтетический, анархия, русophobic <...>» [Goodell, 1889, p. V]. Из этих примеров видно, во-первых, насколько обычными были слова «русophobia» и «русophobic» в английском языке XIX в., а во-вторых, «ясное понимание» говорящими того, что речь идет именно о страхе перед Россией или же русскими.

Наряду со словом «Russophobia» (1836), с 1860-х гг. встречалась также форма «Russophobicism». О «русophobic» (Russophobicists) писали уже в 1836 г., но в широкий обиход слово «Russophobicist» вошло с середины 1840-х гг. Еще десятилетием позже появилась форма «Russophobic» (по французскому образцу), ныне преобладающая.

Как показано в нашей статье «Первые дебаты о «русophobia» (Англия, 1836–1841)»², понятие «русophobia» ввели английские радикалы как обозначение фантомного либо преувеличенного страха перед угрозой со стороны России; это значение оставалось в англоязычной печати основным на протяжении всего XIX в. Виднейшие представители антироссийского алармизма 1830–1840-х гг., равно как и критики «русophobia», принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел не столько о том или ином образе России, сколько о реальности русской угрозы британским интересам. Критика «русophobia» вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь, антироссийский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским.

---

¹ Гидрофобия (водобоязнь) – устаревшее название бешенства по одному из его симптомов.

² Принята к печати в журнал «Историческая экспертиза».

* * *

Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. отменили фактический контроль России над Проливами, и тема русской угрозы на время утратила прежнюю остроту. Дискредитации антирусского алармизма способствовала крайне неудачная англо-афганская война 1838–1842 гг., начатая из опасений перед продвижением России в Центральной Азии. После этого «слово “Россия” было запретным, и всякого, кто осмеливался произнести его в связи с Индией, объявляли русофобом» [Chesson, 1873, p. V]. (Впрочем, это суждение журналиста Ф.У. Чессона следует отнести к гиперболам.)

Далее нас будут особо интересовать высказывания, содержащие рефлексию по поводу понятий «русофобия», «русофоб» и т.д. Чаще всего они принадлежат критикам «русофобии» (в различных значениях этого слова), иногда также тем, кому приписывают «русофобию». Эти последние либо объясняют, почему они не «русофобы», либо уточняют, в чем именно состоит их «русофобия».

«Колониальный журнал» в статье «Кто развязал Афганскую войну?» расценивает «русофобию» как заблуждение, поощряемое Россией: «Несколько лет назад британская нация, казалось, была охвачена приступом своего рода *русофобии*: донские казаки, подобно скифам и вандалам древности, того и гляди захватят Европу, и захлестнувший ее поток варварства обратит цивилизацию вспять, в темные века. Русская дипломатия, конечно, старалась поощрять эти настроения <...>» [Who Caused..., 1842, p. 297]. Заметим, что тема «русского варварства» возникла в английской печати в связи с Польским восстанием 1830–1831 гг. и репрессиями после его подавления; позднее она также чаще всего ассоциировалась с русской политикой в Польше.

В период 1842–1852 гг. о «русофобии» по-прежнему охотней всего говорили радикалы в контексте осуждения милитаризма и колониальной политики. Тем же, кто считал русскую угрозу реальной, нередко приходилось защищаться от обвинений в «русофобии», т.е. в неоправданном страхе перед Россией. Лорд Дадли Стюарт, выступая в Палате общин 7 февраля 1850 г., разъяснял: «Много было сказано о русофобии, и считалось, что он [Дадли] болен этой болезнью¹. Он расскажет им, насколько он русофоб. Он был совершенно убежден, что, когда наша страна будет все-речь говорить с Россией и скажет ей, что та не будет делать определенные вещи, то голос нашей страны будет услышан без необходимости подкреплять его ревом пушек» [Hansard's..., 1850, col. 493].

Осуждение «русофобии» как фантомного страха могло сочетаться с признанием реальности русской угрозы. Путешественник и дипломат Фрэнсис Бёртон (1821–1890) писал: «Каждые несколько лет м-р Джон Булль, вы и ваша семья, страдаете своего рода болезнью – перемежающейся лихорадкой, именуемой русофобией. Во время приступа вас преследуют призраки. Скелет усаживается перед вашим

---

¹ Именно речь Дадли Стюарта в Палате общин 19 февраля 1836 г. положила начало дебатам о «русофобии».

ростбифом, отбивая весь его вкус; кошмары, созданные больным воображением либо обманчивым преувеличением реальной угрозы, лишают ваш крепкий до этого сон половины его освежающей силы. Такова природа приступа; когда он проходит, наступает обычная реакция: вы смеетесь над своими страхами <...> и выдвигаете множество здравых и трезвых доводов, доказывающих, что этот фантазм не более чем “воздушное ничто”¹.

Но русофобия не совершенно бесосновательна. Нет никаких оснований думать, будто Западу предстоит “оказачивание (Cossacking)”², однако Восток дремлет, не обращая внимания на опасность. В России имеются элементы силы, пусть даже она не способна уже сейчас сделать все то, что предрекал Наполеон и что она намеревается сделать. Недаром всю мощь своего коварства она обратила против никому не подчиненных полудикарей Центральной Азии, недаром она постаралась вытеснить нас из Персии, наводнила Афганистан шпионами и расточает кровь и золото в бескрайних степях к востоку от Каспия. Русофобия, повторяю, не фантазия, а лишь искаженный образ возможного» [Burton, 1851, p. 58–59].

* * *

Число упоминаний слова «руссофобия» в английской печати XIX в., согласно статистике сайта *newspapers.com*, имеет три отчетливо выраженных пика: 1) Крымская война; 2) Восточный кризис конца 1870-х гг. с постепенным затуханием в 1880-е гг. (период острого англо-русского соперничества в Азии); 3) англо-бурская война.

Во время Крымской войны синолог и дипломат Томас Тейлор Мидоус (1815–1868), признавая опасность «растущей мощи этого огромного государства» для «свободных народов Европы», предостерегал «против варваризации руссофобии (a barbarizing Russophobia)», т.е. против шовинистических настроений, недостойных цивилизованной нации [Meadows, 1856, p. 606, 608].

После Крымской войны, по словам Ф.У. Чессона, «британский страус, набравшись храбрости, вытащил голову из куста и, оглянувшись, увидел мертвую руссофобию. Чудовище сдохло от истощения» [Chesson, 1873, p. V–VI]. В период между Крымской войной и Восточным кризисом 1876–1879 гг. «руссофобия» упоминается обычно в связи с русской угрозой британским колониальным интересам в Азии.

Дж.М.Ф. Людлов (1821–1911), англо-индийский юрист, христианский социалист, писал: «Руссофобию и бешенство (Russophobia and hydrophobia) я равно считаю болезнями. Кампании в Афганистане принесли, по крайней мере, ту пользу, что ценой крайне дорогостоящего опыта мы узнали, какие трудности придется преодолеть русским на пути в Индию. Тем не менее нам следует постоянно помнить о том, что

---

¹ “Airy nothing” (У. Шекспир, «Сон в летнюю ночь», V, 1).

² Аллюзия на часто цитировавшееся высказывание Наполеона: «Я могу понадобиться против русских, ибо при нынешнем положении дел лет через десять вся Европа, возможно, будет казацкой либо республиканской» (по записи Э. Лас Казеса 18 апреля 1816 г.) [Las Cases, 1968, p. 215].

вторжение в Индию в более или менее отдаленном будущем – предмет рассмотрения русской военной науки, навязчивая идея всех русских военных и что российское владычество медленно и неуклонно продвигается к юго-западу» [Ludlow, 1858, p. 85].

Гораздо спокойнее смотрит на русскую угрозу Роберт Хантер в своей «Истории Индии»: «Как и другие болезни, которым подвержен человек, у нее есть ученое название: *руссофобия*; <...> это грозное слово составлено из двух греческих слов¹, означающих “страх перед Россией”. Она, как и прочие лихорадки, имеет горячие и прохладные фазы, а иногда отступает вовсе. <...> При очередном приступе пациент подходит к карте мира и, размышляя над ней, восклицает со вздохом: “До чего же огромна Россия! Как легко ей двинуть свои орды на нашу восточную империю! как легко ей потрясти эти земли!” Но все это лишь симптом горячечного состояния, в которое впал больной. Нет ничего проще, чем взять карту мира и провести по ней воображаемую армию из России в Индию, и ничего труднее, чем провести реальную армию тем же путем <...>. Злокачественная руссофобия миновала с Крымской войной, и с тех пор наблюдались лишь самые легкие формы этого расстройтва» [Hunter, 1863, p. 223–224].

Согласно «Edinburgh Review», «большая часть британской общественности <...> расценивает руссофобию как разоблаченное заблуждение. В интересах гуманности она радуется тому, что заря христианской цивилизации одолевает ужасную тьму варварства, в которой доселе пребывала Центральная Азия; <...> Индия сможет иметь соседа, отношения с которым будут строиться на основе европейских принципов доброй воли и чье устойчивое правительство предложит новые возможности для торговли. Ее видение будущего – казак и сипай, возлежащие вместе на берегу Инда подобно ягнтям» [Parliamentary Blue..., 1867, p. 44]. Автор статьи считает русскую угрозу реальной, хотя и отдаленной во времени, причем опасается он не столько вторжения в Индию, сколько восстаний туземцев в расчете на помощь извне.

Либеральный «Spectator» пытается оценить новое положение дел, создавшееся в результате Крымской войны и реформ Александра II в России: «До 1857 г. существовала влиятельная школа английских политиков, взиравших на Московскую империю с чувствами, мало отличными от тех, что питают к своему фетишу негры». Крымская война уничтожила веру в чуть ли не безграничное могущество России. «На немногих политиков, все еще державшихся старого вероучения, смотрели как на допотопных зануд, а завещание Петра Великого, если оно когда-либо существовало, было предано забвению». «...Роковая ошибка старой руссофобской школы состояла в том, что она твердила об опасности русского вторжения вследствие таинственных интриг потомков Петра Великого. Мы полагаем, что если бы <...> на смену самодержавному правлению царей пришла олигархия или демократическая республика, опасность, о которой идет речь, стала бы не меньше, но и не больше» [The Policy of..., 1867, p. 602].

---

¹ В действительности корень «russo» неолатинский.

В том же духе высказывается «Pall Mall Gazette», в то время близкая к консерваторам: «Русофобия, ранее господствовавшая в нашей стране <...>, безусловно, имела что сказать в свою защиту, но теперь ее основание разрушено полностью; ее целью была не Россия, а царь; это усугублялось тревогой и неприязнью, которые английским либералам внушал человек, демонстративно выступавший в роли смертельного врага всякого либерализма и всякой свободной формы правления, разгромивший Польшу и сделавший все возможное, чтобы помешать независимости Бельгии. В настоящее время в Англии, да и в любой другой стране, нет ни одного класса, который относился бы к правящему императору [Александру II] с подобными чувствами. Он отменил крепостное право; считается, что он не любит войну <...>. Однако сейчас главный вопрос заключается не столько в том, что думает император, сколько в том, что думают его подданные» [Changes in the European, 1872, p. 1].

«The Times» приветствует «разумный пересмотр мнений» в вопросе о продвижении России в Азии: «Чувствуется, что есть интересы выше национальных – интересы гуманности. Если верно, что продвижение России в этих варварских землях означает прогресс цивилизации и хорошее управление, не ставим ли мы себя в ложное положение, выступая против него? А в том, что дело обстоит именно так, не может сомневаться ни один разумный человек. <...> Можно, конечно, предположить, что скрытые последствия чрезмерного возвышения России окажутся настолько ужасными для других государств, что это оправдывает сохранение варварства на большей части Азии в качестве барьера против продвижения России. Но даже самый ярый русофоб едва ли решился бы на столь экстравагантное предположение» [London, October 29, 1872].

Более скептически настроен Ф.У. Чессон: «Призрак Северного великана, с которым эти нелепые русофобы заставили нас вступить в [Крымскую] войну <...>, ныне оказывается реальностью во плоти, и уже “отбрасывает, как грядущее событие, свою тень”¹ в Каракоруме, у наших ворот» [Chesson, 1873, p. VI].

«Русофобия» в значении «антипатия к русским» встречается сравнительно редко. В анонимном историческом романе «Воспоминания авантюриста», публиковавшемся в популярном еженедельнике «Vanity Fair», читаем: «Иностранцы обычно покидают Россию с ложными представлениями о ней, потому что всякий приезжающий туда иностранец сразу ударяется в русоманию или русофобию и уже не в состоянии видеть в русских таких же мужчин и женщин, каких можно встретить в тех же классах парижского или пекинского общества. Они просто члены великой человеческой семьи; и хотя в России бывает снег, там также светит солнце. Еда и климат несколько отличаются, но умы формируются обстоятельствами, а души – Богом» [Memoirs..., 1876, p. 178]. Здесь «русомания» – увлечение всем русским; в ряде других случаев – синоним «русофобии».

---

¹ Цитата из баллады Томаса Кемпбелла «Пророчество Лошила» (1801): «Грядущие события отбрасывают назад свою тень».

* * *

Во время Восточного кризиса 1876–1878 гг. «русофобами» именовались по преимуществу тори, стоявшие у власти, а в качестве критиков «русофобии» выступала наиболее влиятельная часть либералов во главе с У. Гладстоном. «...Мы немало потеряли просто как торговцы, отдавая свое сочувствие угнетателям ради ублажения нашей русофобии, — сетует либеральный экономист А.Дж. Уилсон. — У русских хватает врагов и без нас, и лучшими их врагами могли бы стать мы в качестве друзей угнетенных народов Турции, а заодно и лучших защитников наших чисто торговых интересов» [Wilson, 1876, p. 754].

Против прозвищ «русофобы» и «туркофилы» протестует консервативная «Pall Mall Gazette»: «Считается, что слова, прозвища достаточно, чтобы избавиться от них [трудных вопросов]. Учитывать английские интересы — это “эгоизм”; бояться общеевропейской войны как следствия крестового похода России против Турции — это “паника”; питать подозрения относительно замыслов России — русофобия; предупредить, что турок будет сражаться и вправе сражаться отчаянно, если будет доведен до крайности, — значит быть “туркофилом”» [Two Reviews..., 1876]. «...Недомыслие, царившее в правительственных кругах, умело подкреплялось недомыслием прессы, которая криками “паникер”, “пугало”, “русофобия” и тому подобной трескотней заглушала голос здравого смысла и ободряла таких мечтателей, как мистер Гладстон, и таких неспособных, как лорд Нортбрук <...>» [Our Laurentian..., 1878].

Того же мнения держится «Quarterly Review»: «...Христианские элементы [Османской империи] предполагается полностью подчинить влиянию России в качестве покровителя, прежде чем она станет владыкой. Способы и учреждения, с помощью которых осуществляется эта политика, составляют предмет обсуждения. Таким образом, никто не может быть обвинен в русофобии. <...> ...Будь мы русскими, мы могли бы счесть эту политику мудрой и отвечающей интересам России. Но как англичане мы можем сказать, не подвергаясь обвинениям в ненависти или низменной (vulgar) зависти к России, что мы считаем такую политику противоречащей нашим интересам и наш долг — противостоять ей, так же как долг России — ее проводить» [Parliamentary Papers, 1877, p. 292].

«Pall Mall Gazette» и «Standard» нередко закавычивают слово «русофобия» как «чужое слово». «...Если вместе с Эрзерумом падет и Карс, — предостерегает «Standard», — идея господства России станет близка каждому племени от Черного моря до Инда. Бессмысленно призывать нас не страшиться “русского пугала”. Проповедовать о “русофобии” хуже, чем глупость. Этот призрак — чудовище из плоти и крови. Этот страх — самый разумный страх, какой мы только можем испытывать без малейшего ущерба для нашей доблести. Те, кто пытается высмеять оправданные и здоровые опасения британского народа по поводу продвижения России в Азии, едва ли читали историю Индийского мятежа» [The details..., 1877].

«Панч» высмеивает антироссийский алармизм некоего «бешеного органа неистовой русофобии и дикого славяноненавистничества (Slavodium)» [Ghazi Osman..., 1877]. Этот курьезный неологизм образован от *неолат.* «Slavonicus» (славянский) и *лат.* «odium» (ненависть, отвращение).

Критики «русофобии» объявляются «русофилами». «Pall Mall Gazette» публикует «Письмо выздоравливающего русофила своей деревенской тетушке», направленное против «русофильской агитации»: «Доктора Франклина обратил в деизм некий ортодоксальный апологет; точно так же русофильские журналы обратили меня в русофобию». «Русофилы» умалчивают об истреблении мусульман в Болгарии и о том, что «война за освобождение турецких христиан превратилась в войну за обладание Константинополем». «...Но можно ли отыскать хоть малейшие следы этого полного опровержения теории русофилов в языке русофильских журналов?» [Letters..., 1878, p. 4].

Характерно, что обвиняемые в «русофилии» не считали нужным возражать — надо думать, потому, что английских критиков «русофобии» крайне трудно было заподозрить в симпатии к Российской империи. Более точным было наименование «антирусофобы», встречавшееся в 1883 г.

* * *

После 1878 г. накал полемики вокруг «русофобии» снова спадает, а сама полемика, как и перед Восточным кризисом, касается главным образом русской политики в Азии. Хотя «в настоящий момент русофобия бушует сильнее, чем когда-либо», отмечает либеральный политик Эрскин Перри, член Совета по делам Индии, однако «обе школы» — т.е. антирусские алармисты и их критики — «пришли к единому выводу: успешное вторжение России в Индию совершенно невероятно» [Perry, 1879, p. 10]. Либеральный «Examiner» констатирует: «Резко выраженная форма русофобии, преобладавшая в последнее время среди некоторых наших современников, была сумасбродной манерой отзываться о русских как о “монголах”. Эта манера сошла на нет с тех пор, как Кетчвайо¹ сменил царя в роли монстра» [Political and social..., 1879, p. 4].

В 1883 г. востоковед Роберт Нидхэм Каст совершил поездку на Кавказ с научными, а заодно и разведывательными целями (конкретно речь шла о «возможной оккупации Герата русскими»). «Я отвергаю всякую русофобию, — заявляет он, — у меня нет ни крупицы антипатии к России. Я смотрю на эту великую державу как на сотрудницу Англии в распространении цивилизации в Азии; тем не менее, когда на карту поставлены важные интересы, стоит знать, чем занимаются наши друзья и соседи, какими бы добрыми и бескорыстными они ни были или хотели бы выглядеть» [Cust, 1884, p. 290].

---

¹ Вождь зулузов в англо-зулусской войне 1879 г.

В 1878 г. английские радикалы пустили в ход слово «джингоизм» как синоним национального шовинизма и мегаломании, причем поначалу имелся в виду именно антирусский шовинизм. В 1880 г. в радикально-либеральном еженедельнике «Truth» была опубликована стихотворная сатира, написанная от лица «ультраджингоиста». «В моем символе веры, — провозглашает он, — два догмата, включающие все прочие: / Первый — ненависть к человеку, стоящему ныне у руля Англии [т.е. к У. Гладстону, лидеру либералов. — К.Д.]; / Второй — русофобия, столь ожесточенная и неистовая, / Что она велит мне напрочь забыть о порядочности и идти против здравого смысла» [Song, 1880].

Обличители «русофобии» не устают сочинять сатирические метафоры:

«Русофобия — это политическая болезнь, которой страдает ряд наших государственных деятелей. Ее можно назвать политической корью. Симптомы ее крайне мучительны, болезнь сопровождается сильным жаром в области френологической шишки воинственности. Приступы, как правило, непродолжительны, но пациент крайне раздражителен и недоволен. При рецидиве обычно наблюдается слабая лихорадка, затем верхняя область головы выздоравливает, разум возвращается в нормальное, спокойное состояние и начинает работать как ни в чем не бывало» [Thomas Carlyle..., 1881, p. 107].

«Если привязать пробку к концу веревки и помахивать ею перед мордой котенка, это сообразительное животное никогда не устанет пытаться завладеть пробкой. <...> В такой игре Россия — искусный мастер, а котят, которых она заставляет резвиться, — все русофобы.

Порой русофоб столь охоч до игры, что не ждет, пока пробку привяжут к веревке и станут помахивать ею. Если он помешан на военных делах, он постоянно думает о русской армии. <...> Он считает, сколько осталось стран между нашими и русскими владениями, и вечно требует занять эти страны из боязни, что именно так поступит Россия. Если же злосчастный сосед действительно попросит защитить его от России, он либо откажет, либо поставит невыполнимые условия» [Notes, 1885, p. 103].

«Русофобия — болезнь мозга, предрасполагающая к суициду» [Stead, 1888, p. 468]. В этом случае, как и в ряде других, «русофобия» сближается с «гидрофобией», тогдашним медицинским наименованием бешенства.

Семантика слов «русофоб» и «русофобия» в английском языке последних десятилетий XIX в. не вполне совпадает. Последнее относится почти исключительно к сфере внешней политики, тогда как первое относительно чаще означает неприязнь к России и русским. В этом значении слово использует Стюарт Камберленд¹: «Я ни в коей мере не русофоб, потому что в России есть много того, что мне нравится и чем я восхищаюсь, а народ, пожалуй, самый интересный и гостеприимный во всей Европе; но это не мешает мне не доверять внешней политике этой страны.

---

¹ С. Камберленд (1857–1922) известен прежде всего как разоблачитель спиритуализма.

Будь я русским, эта политика, несомненно, была бы мне по душе; но я англичанин» [Cumberland, 1888, p. XVI, XVII].

О том же писал Джордж Керзон, путешествовавший по России в 1888–1889 гг.: «Будет преувеличением сказать, что каждый англичанин въезжает в Россию русофобом, а покидает ее русофилом; но верно, по крайней мере, то, что даже непродолжительное проживание в этой стране смягчает более раннюю оценку <...>. Причиной тому прежде всего откровенные и любезные манеры и чрезвычайная вежливость людей, от высших должностных лиц до самых простых мужиков. Русский джентльмен обладает всей полировкой французского без намека на показной галльский лоск; русский простолюдин может быть бестолковым, но не бесцеремонным, подобно тевтонцу <...>». Кроме того, англичанин не без удивления обнаруживает, что «в России нет широко распространенной враждебности к Англии», зато несомненна «непреодолимая и всепоглощающая неприязнь к Германии» [Curzon, 1889, p. 20–21].

Эта оценка тем более любопытна, что Керзон был консерватором, в 1919–1924 гг. — министром иностранных дел, автором знаменитой «ноты Керзона» от 8 мая 1823 г. Консерваторы же традиционно считались сторонниками жесткого курса по отношению к России. В романе популярной английской писательницы Уиды (псевд. Марии Луизы Рамэ) «Гости в загородном доме» (1887) выведен персонаж по фамилии Аск. «Аск — русофоб с тех пор, как сделался истинным тори. Он глубоко убежден, что все русские — шпионы, если только не аферисты, почти так же как в начале нашего века его дед был убежден, что всякий француз — наемный убийца, если он только не танцмейстер. В глазах англичан, подобных Аску, на смену Petit Caporal¹ и треуголке как объектам страха и отвращения пришли Белый царь и меховая шапка» [Ouida, 1890, p. 590].

В самом конце XIX в. фельдмаршал Фредерик Робертс, участник колониальных войн, готов (как и многие другие до него) признать себя «русофобом», но только в узком значении термина: «Меня высмеивали как русофоба и насмехались над тем, что меня будоражит фантомное продвижение России. Что ж, милорды, я не возражаю против наименования русофоб, если русофоб означает того, кто убежден, что цивилизационные факторы со временем заставят Великобританию и Россию встретиться в Азии, и <...> если России когда-либо будет позволено пересечь Гиндукуш, овладеть Афганистаном и пограничной областью, то нападение на Индию станет лишь делом времени» (речь 7 марта 1898 г. в Палате лордов) [Hansard's..., 1898, col. 761–762].

В то же время английский востоковед замечает: «Русофобская партия в этой стране привыкла в каждом действии России видеть руку дьявола. Считается, что русские — раса варваров, не претендующих на то, чтобы их считали цивилизованными людьми, и что полное отсутствие честности и добросовестности, проявляющееся

---

¹ Маленькому капралу (франц.), т.е. Наполеону.

во всех их отношениях с другими странами, исключает их из рассмотрения [в качестве партнеров]» [Krausse, 1900, p. 308]. Отметим, однако, что «варварство» здесь — опять-таки прежде всего характеристика русской внешней политики.

* * *

Особую группу среди причислявшихся к «русофобам» составляли идейные либералы и демократы, сочувствовавшие национально-освободительным движениям в Европе, прежде всего польскому, итальянскому и венгерскому. Отчасти к ним принадлежал публицист и политик Дэвид Уркварт (1805–1877), за которым наименование «русофоб» закрепилось чуть ли не в качестве прозвища. Все же для Уркварта на первом месте стояли торгово-колониальные интересы Британии, а его сочувствие полякам и венграм носило скорее инструментальный характер.

К этой группе принадлежал уже упоминавшийся лорд Дадли Стюарт (1803–1854), поэт Альфред Теннисон (1809–1892), а также представители следующего поколения: промышленник Джозеф Коуэн (1829–1900) и поэт Алджернон Суинберн (1837–1909), взгляды которых на Россию сложились под влиянием Уркварта.

У Теннисона осуждение русского деспотического государства, угрожающего свободе европейских народов, сочеталось с представлением о России как полудикой стране, враждебной европейским гуманистическим ценностям. Эти представления начали формироваться у него уже в юности, окончательно оформились во время Польского восстания 1830–1831 гг. и впоследствии почти не подвергались пересмотру. Хотя Теннисон был другом У. Гладстона, во время Восточного кризиса 1870-х гг. он поддерживал внешнюю политику консерватора Дизраэли.

Республиканец Суинберн выступал «против свободной торговли панславизмом, оспой и всякой иной заразой»; те, кто «высмеивает тщетность и глупость русофобии», по его мнению, подобны противникам вакцинации [Swinburne, 1876, p. 20]. В то же время он осуждал «жестокости [англичан] в Ирландии, на Ямайке, на плантациях», ликвидацию Римской республики Наполеоном III и милитаризм Бисмарка. Объект критики Суинберна — русское самодержавие как наиболее опасная форма монархического правления, в том числе для русского народа, который Суинберн хотел бы видеть «образованной и взрослой нацией свободных, доблестных и достойных людей» [Swinburne, 1876, p. 23].

Радикалы с самого начала были главными критиками «русофобии». Наиболее заметным исключением из этого правила был Джозеф Коуэн, друг Гарибальди, Кошута, Герцена и Бакунина, один из спонсоров польской революционной эмиграции. «Под влиянием Дэвида Уркварта, — сообщалось в его некрологе, — <...> [Коуэн] сделался убежденным русофобом; поэтому он энергично поддерживал политику лорда Биконсфилда [Дизраэли] и, к удивлению и отвращению радикалов, зарекомендовал себя стойким туркофилом» [Death of Mr..., 1900]. Понятно, что мотивы «русофобии» Коуэна лишь частично совпадали с мотивами Дизраэли, которого невозможно вообразить другом Герцена и Бакунина.

* * *

Судя по обширной газетной базе newspapers.com, в американской печати о «руссофобии» вплоть до конца XIX в. говорилось сравнительно редко, и почти всегда по поводу английской политики. Объясняется это прежде всего тем, что русско-американские отношения с момента основания США и до прихода к власти большевиков были дружественными, так что ни о какой русской угрозе речи быть не могло.

Николас Бьерринг¹ писал в своем «Журнале Восточной Церкви»: «На первый взгляд естественно было бы заключить, что английская руссофобия должна была в значительной степени заразить Соединенные Штаты. Оба народа говорят на одном языке, являются наследниками одной и той же литературы, связаны множеством уз кровного родства, общими традициями и социальными отношениями. Здесь широко читают и цитируют английскую прессу; <...> основная часть <...> новостей <...> фильтруется лондонскими агентствами, которые редко колеблются, если нужно подретушировать новость согласно их собственным видам или же прихотям. Тем не менее дружественные отношения между Россией и США не омрачает даже малейшая тень недоверия» [Bjerring, 1879, p. 138–139].

Эту оценку корректирует сан-францисский журнал: «Книга о России на английском языке, свободная от руссофобских настроений, — “редкая птица” <...>. ...Потребуется не одна книга, чтобы свести на нет в сознании американских читателей работу, проделанную годами английских писаний о русской тирании и жестокости, не говоря уж о таких американских сочинениях, как книга м-ра Кеннана <...>» [Mrs. Brodhead's..., 1895]. Здесь «руссофобия» понимается прежде всего как критика властей и порядков самодержавной России, поскольку Дж. Кеннану, автору книги «Сибирь и система ссылки» (1891), никак нельзя приписать враждебные чувства к русскому народу или русской культуре.

В британской печати XIX в. слово «русомания» использовалось обычно либо как синоним политической «руссофобии», либо, напротив, политической «руссофилии». В Америке оно получило новое значение: увлечение русской культурой.

В американском словаре 1888 г. читаем: «*Русомания*, страстное увлечение (a passion) русской манерой одеваться, чтением русских книг и изучением языка». Далее дается пример использования слова: «С тех пор как сочинения Толстого обрели популярность, ненависть ко всему русскому неуклонно угасала, и теперь русомания грозит потеснить англomанию» [Diehl, 1888, p. 183].

Одним из источников этой словарной статьи была, вероятно, ироническая заметка, появившаяся годом ранее в газете «New York World»: «В Бостоне [русский] Медведь постепенно одолевает [британского] Льва. Беглые нигилисты, русские романы и русский язык вызывают все больший интерес среди сливок общества. Полностью

---

¹ Н. Бьерринг (1831–1900), американский издатель, в 1870–1884 гг. православный священник, основатель первого православного прихода в США.

исчерпав интеллектуальные ресурсы греческого, латыни, иврита, санскрита, французского, немецкого, испанского и итальянского языков, Афины Америки [т.е. Бостон. — К.Д.] пробираются через литературные и лингвистические достопримечательности московитского языка. Однако, чтобы добиться полного успеха, русомания должна обратить свое внимание на одежду в неменьшей степени, чем на словесность. Когда русомания затронет брюки, шляпы, трости и манеру ходьбы, она сможет всерьез побороться с англomанией» [цит. по: Drift, 1887].

В 1892 г. в Лондоне вышел в свет второй том романа Уильяма Блэка¹ «Вольфенберг». Несколько глав посвящены здесь «развитию русомании» у американки Амели Дюмареск. Амели, участница морского круиза с заездом в Севастополь, «вернулась из своей маленькой поездки на берег в совершенно безумном энтузиазме по поводу России и всего русского». На недоуменные вопросы спутников она отвечает: «...Я восхищаюсь страной, у которой есть свое национальное лицо, определенное место и определенная цель в истории, страной сплоченного народа с единственным и всемогущим руководителем, которому народ готов и желает подчиняться без всяких вопросов. Это страна, пользующаяся уважением; она может терпеть неудачи или ошибаться, но она сделала все, что в ее силах; нельзя не восхищаться ее целеустремленностью, патриотизмом, единением чувств. Да, они говорят у себя о нашей свободе — но что это значит? <...> Соединенные Штаты вообще не страна; это не нация, а всего лишь собрание больших приходов, ненавидящих друг друга, завидующих друг другу и имеющих разные интересы. В последний раз дрались друг с другом Север и Юг; в следующий раз драться будут Запад и Восток <...>» [Black, 1892, p. 119–120].

Амели начинает исполнять русские песни, появляется на балу в цветах русского флага, а в довершение всего с увлечением затягивает гимн «Боже, царя храни!». Неожиданная «русомания» Амели мотивируется ее влюбленностью в красавца-русского. За это увлечение автор жестоко ее карает: погрязший в долгах русский со знаменательной фамилией Хитрово закладывает драгоценности девушки, и та умирает, не вынеся такого позора. Понятно, что перед нами не столько зарисовка с натуры, сколько карикатура на американскую «русоманию», увиденную глазами британца.

REFERENCES

[Bjerring N.?] Russia and the United States, in *The Oriental Church Magazine*. New York. 1879. Vol. 1. No. 2. Pp. 137–142.

Black W. *Wolfenberg*. London: W. Clowes, 1892. Vol. 2. 268 p.

Burton R.F. *Scinde: Or, The Unhappy Valley*. London: R. Bentley, 1851. Vol. 2. 309 p.

---

¹ У. Блэк (1841–1898), один из самых популярных английских романистов последних десятилетий XIX в.

Changes in the European State-System, in *The Pall Mall Gazette*. London, 1872. Sept. 10. Pp. 1–2.

Chesson F.W. *The Central Asian Question*. London: H.S. King, 1873. XII, 31 p.

Cumberland S. *The Queen's Highway from Ocean to Ocean*. London: S. Low, 1888. XXVIII, 431 p.

Curzon G.N. *Russia in Central Asia in 1889: And the Anglo-Russian Question in 1889*. London: Longmans, 1889. 475 p.

Cust R.N. The Russians on the Caspian and Black Seas, in *Journal of the Royal United Service Institution*. London, 1884. Vol. 28. No. 124, Jan. 25. Pp. 289–305.

Death of Mr. Joseph Cowen, Newcastle's Eloquent Citizen, in *The Pall Mall Gazette*. London, 1900. 19 Feb. P. 8.

Diehl A.R. *Two Thousand Words and Their Definitions, Not in Webster's Dictionary*. New York; Chicago: Butler brothers, 1888. 220 p.

Drift, in *The American: A National Journal*. Philadelphia, 1887. Vol. 14. No. 357. June 11. P. 127.

Ghazi Osman and the Newspapers, in *Punch*. London, 1877. Vol. 73. Dec. 29. P. 289.

Goodell T.D. *The Greek in English: First Lessons in Greek*. 2nd ed. New York: H. Holt, 1889. VII, 138 p.

Hansard's Parliamentary Debates. London: Hansard, 1850. Vol. 108. 1446 col.

Hansard's Parliamentary Debates. London: Hansard, 1898. Vol. 54. 1641 col.

Hunter R. *The History of India*. London: T. Nelson, 1863. 284 p.

Krausse A.S. *Russia in Asia: A Record and a Study, 1558–1899*. G. Richards, 1900. 411 p.

Las Cases E. *Mémorial de Sainte-Hélène*. Paris: Le Seuil, 1968. 732 p.

Letters That Might Have Been Written. II. From a convalescent Russophile to his Maiden Aunt in the Country, in *The Pall Mall Gazette*. London, 1878. Feb. 20. P. 12. Signature: Nephew.

London, October 29, 1872 [Editorial], in *The Times*. London, 1872. October 29. P. 7.

Ludlow J.M.F. *British India, Its Races and Its History Considered with Reference to the Mutinies of 1857: A Series of Lectures Addressed to the Students of the Working Men's College*. Cambridge: Macmillan, 1858. Vol. 1. 319 p.

Meadows T.T. *The Chinese and Their Rebellions: Viewed in Connection with Their National Philosophy, Ethics, Legislation, and Administration*. London: Smith, Elder & Company, 1856. 656 p.

Memoirs of an Adventurer. Chapter LII. Literature and Politics, in *Vanity Fair*. London, 1876. Vol. 16. Sept. 16. Pp. 176–178.

Mrs. Brodhead's "Slav and Moslem" [Review], in *The Overland Monthly*. San Francisco, 1895. Vol. 25. No. 146, February. Pp. 218–219.

Notes, in *Vanity Fair*. London, 1885. Febr. 21. Pp. 101–105.

Ogilvie J. *The Imperial Dictionary of the English Language. New ed., <...> greatly augmented <...> by C. Annandale.* London: Blacky; New York: The Cencury Co., 1883. Vol. 3. 799 p.

Our Laurentian Misfortunes, in *The Pall Mall Gazette*. London, 1878. Nov. 29. P. 1.

Parliamentary Blue Books relating to Bhootan <...> [Review], in *Edinburgh Review*. Edinburgh, 1867. Vol. 255. January. Pp. 1–47.

Parliamentary Papers. Turkey, 1876. <...> [Review], in *The Quarterly Review*. London, 1877. Vol. 143. No. 285. Pp. 276–320.

Perry E. The Future of India, in *The Library Magazine of Select Foreign Literature*. New York, 1879. January. Pp. 1–21.

Political and social notes, in *The Examiner*. London, 1879. Aug. 23. Pp. 1–4.

Ouida. *Granville de Vigne*, in Ouida. *Granville de Vigne; A House-party; Our Wager; Lampblack*. New York: Collier, 1890. Vol. 2. 698 p.

Rushbrooke W.G. *A First Greek Reader*. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1892. 236 p.

Russia, in *The Spectator*. London, 1867. Vol. 40, June 1. Pp. 602–603.

Swinburne A.C. *Note of an English Republican on the Muscovite Crusade*. London: Chatto and Windus, 1876. 24 p.

[The details of the defeat of Modkhtar Pacha at Erzeroum...], in *The Standard*. London, 1877. Nov. 9. Pp. 3–4.

Song. I am an anti-Radical, in *Truth*. London, 1880. Dec. 25. P. 34.

[Stead W.T.] The Progress of Man, in *The Universal Review*. London, 1888. Vol. 2. No. 8. Pp. 449–468.

Thomas Carlyle: A Study. By J.C. Manchester: J. Heywood, 1881. 138 p.

Two Reviews of the Eastern Question, in *The Pall Mall Gazette*. London. 1876. Dec. 5. P. 1.

Who Caused the Affghan War? No. II, in *The Colonial Magazine and Commercial-Maritime Journal*. London, 1842. Vol. 7. No. 28. Pp. 296–326.

[Wilson A.J.] British Trade. No. IV. Russian Progress, in *Fraser's Magazine for Town and Country*. 1876. Vol. 14, December. Pp. 736–755. Signature: A.J.W.

Статья принята к публикации 22.12.2021